
ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Краснов В. В.*

Обозначена проблема удовлетворения потребностей в человеческом сообществе. Проанализирована возможность успешного существования сообщества, основанного на рациональном объединении. Рассмотрена эгоистическая природа человека как помеха на пути к глобальному благополучию. Показано смещение потребностей человечества с материальных в сторону социальных и духовных. Сделано предположение, что индивидуальная духовная цель развития может находиться внутри объединенного сообщества. Введено понятие интегрального сообщества как высокодифференцированной и вместе с тем высокоинтегрированной социальной системы, в которой интеграция служит для достижения единой общей цели общества, а дифференциация обеспечивает максимальное осознанное индивидуальное участие в этом каждого члена общества.

Ключевые слова: потребности, сообщество, благосостояние, интегральность, альтруизм.

The problem of needs satisfaction of human community is indicated. The possibility of successful existence of the community based on a rational association is analyzed. The selfish human nature as an obstacle on the way to global wellbeing is considered. The changing of human needs from material into social and spiritual is described. It is suggested that individual spiritual aim of development could be inside the united community. The concept of integral community is introduced as high-differentiated and high-integrated social system, in which the integration is used for achieving the one common aim of society and differentiation provides the maximum conscious individual participation of every member of society in it.

Keywords: needs, community, wellbeing, integrality, altruism.

Если рассмотреть весь исторический путь человеческого общества с точки зрения постановки целей развития, то можно обратить внимание, что решение любых задач, по сути, сводилось к достижению благосостояния отдельными личностями или социальными группами. Под благосостоянием обычно понимают обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами, то есть предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими определенные человеческие потребности.

Если исследовать изменение количества и качества потребностей в историческом аспекте, то можно увидеть, что они испытывают постоянный рост. Считается, что к этому приводят две причины:

- 1) увеличение населения Земли;

* Краснов Владимир Владимирович – д. м. н., к. п. н., профессор кафедры медицинской информатики Национальной медицинской академии последипломного образования имени П. Л. Шупика, заведующий проблемной научно-исследовательской лабораторией по вопросам последипломной подготовки врачей (провизоров). E-mail: volodkras@gmail.com.

2) стремление каждого человека к наиболее полному удовлетворению своих материальных и духовных нужд [Лавров, Капогузов 2006].

То есть этому росту способствует само человеческое общество, которое успешно определяет не только виды потребностей, но их качество и способы достижения.

В свою очередь, экономисты пытаются вывести закономерности данного эффекта, который во многих теориях отображен в виде «закона возвышения потребностей». Согласно этому закону, прогресс человечества, рост его культуры, знаний, преобладание духовных начал, расширяющиеся возможности экономики неизбежно обуславливают увеличение потребностей как закономерность человеческой цивилизации [Райзберг 1997].

Преумножение потребностей не ограничивается сугубо материальной основой. Человеческому индивиду свойственно испытывать полный набор их разновидностей: материальных, социальных и духовных. У каждого человека они выражены в разной пропорции, однако существуют обязательно^{**}. Потребности всех уровней (по Маслоу) «инстинктоидны», то есть генетически заложены в психике человека в виде потенций. Потребности более высоких уровней актуализируются и начинают влиять на поведение лишь по мере удовлетворения (полного или частичного) низших. Можно сказать, что главным в концепции Маслоу является представление о совпадающем с эволюцией человека движении потребностей от основания (физиологические нужды) к вершине (самоактуализация).

Социальные потребности возникают из отношений между людьми – как непосредственно из межличностных, так и из всех других уровней отношений, которые связывают индивида с обществом. К ним относятся, например, статусные потребности, то есть все те, объектом которых является психологически позитивное для индивида положение в социальной группе – в признании, уважении, власти, солидарности и т. п. В эту же группу входят потребности в эмоционально насыщенных позитивных межличностных отношениях – любви, дружбе, общении; разнообразные морально-этические потребности; в социально-значимой, то есть ценной для «других», для социума деятельности. Все они могут быть определены как потребности социального существования людей [Дилигенский 1994].

Под духовными потребностями Абрахам Маслоу понимал познание, самоактуализацию, самовыражение и самоидентификацию [Maslow 1954]. Понятие духовных потребностей выходит за пределы понятия рациональности и сложно поддается измерению. Вполне возможно, что именно за счет этого подобные цели развития сообществ демонстрировали наиболее долгую живучесть. При этом всегда существовал риск того, что определенные слои в социуме могли воспользоваться таким соблазнительным инструментарием для достижения личных корыстных целей. Это уверенно демонстрирует вся история человечества: религиозные войны, преследования инквизиции и т. п. – вот далеко не полный перечень исходов.

Располагая современными знаниями, можно увидеть, что у человечества в глобальном масштабе в начале XXI в. остро возник очередной набор проблем,

^{**} Согласно А. Н. Леонтьеву, сфера человеческих потребностей обладает внутренним единством и их разделение на необходимые для поддержания жизни и духовные потребности относительно.

которые связаны с наличием двух аксиом, актуальных как для человека Средневековья, так и для современника:

- аксиома первая: потребности человека (и общества) могут расти безгранично;
- аксиома вторая: ресурсы, которые есть в распоряжении у человечества для удовлетворения растущих потребностей, ограничены.

В итоге многочисленные экономические школы пытаются решить весьма сложную задачу – как наиболее полно удовлетворить возрастающие потребности общества, максимально рационально используя имеющиеся в распоряжении ресурсы. Однако расчеты экономистов и социологов подтверждают наихудшие ближнесрочные прогнозы по обеспечению людей хотя бы материальными благами: водой, пищей, теплом и т. п.

В подобном случае существует несколько традиционных путей выхода из сложной ситуации – или осознанно ограничить собственные потребности, или начать использовать дополнительные ресурсы для создания необходимых благ, или взять блага у тех, у кого они есть. Однако исторические примеры наглядно демонстрируют ущербность подобных моделей.

Так, осознанное *ограничение потребностей* при помощи социальных инструментов является весьма проблематичным актом. Жизнь показывает, что, используя средства идеологической обработки, можно достичь успехов, но только на кратком отрезке времени. Более успешно с подобной задачей справляются различные религиозные направления, которые используют идею ограничения благ материальных в текущий период времени с компенсацией благами духовными в отдаленном будущем.

В свою очередь, ни одна религия или идеология, как демонстрирует все та же история, не может справиться с неконтролируемым естественным ростом потребностей и тем, что далеко не все население осознанно соглашается с установленными правилами поведения. В подобных ситуациях социальная система, если отсутствует возможность *извлекать дополнительные ресурсы* в виде природных богатств или повышать эффективность получения благ за счет новых технологий, переходит к третьему варианту – *насильственному отъему благ* у тех, у кого они есть. Насилие распространяется или на внутренние социальные слои (тоталитарное государство), или за пределы государства (агрессивная внешняя политика).

Проблема еще более усугубилась на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации. Развитые сообщества демонстрируют культурную деградацию, причиной которой является сдвиг потребностей в материальную сторону (так называемый феномен общества потребления). Считается, что данный феномен основан на «фетишизации потребления стандартных бытовых товаров и услуг в ущерб развитию духовных и интеллектуальных интересов граждан» [Васильчук 2010].

Значительную лепту в данный процесс вносят современные средства коммуникации и массмедиа, которые помогают реплицировать новые нормы и правила неограниченного потребления с избранных каст на все человечество.

Кроме того, появился еще один новый фактор, который никогда не был значимым во всем периоде развития человечества. Этот фактор – глобализация, в условиях которой даже войны становятся неэффективными, так как, например, в побежденной стране происходят спад экономики и обнищание населения. В результате победитель теряет рынок сбыта своей продукции, что приводит к падению его собственной экономики.

Таким образом, в свете непрерывного роста потребностей и снижения возможностей их удовлетворения традиционные подходы решения проблем неэффективны. Некоторую надежду подает вероятность открытия новых источников энергии, однако здесь можно просто не успеть.

Выходом из сложившейся ситуации в общечеловеческом масштабе могут быть два эволюционных пути: 1) рациональное объединение для более эффективного удовлетворения потребностей; 2) смещение акцента с материальных потребностей в сторону социальных и духовных.

Рассмотрим возможность успешного существования сообщества, основанного на **рациональном объединении**. В биологических моделях для более удачного удовлетворения материальных потребностей (согласно принципам достижения максимума эффекта при минимуме затрат) группы особей демонстрируют постоянные или временные процессы объединения. Природа показывает примеры организации животных для выживания, например в виде группирования хищников во временные стаи при недостатке ресурсов и т. п.

Человеческое сообщество в историческом аспекте также проходит различные процессы формирования коалиций. Классически выделяют следующие способствующие этому факторы: коллективные представления, чувства, верования; ориентированные на других (то есть социальные) действия; общность норм и ценностей, которыми руководствуются люди в своей жизнедеятельности; экономические составляющие и др. [Антоновский 2007].

Как уже упоминалось, в настоящее время происходит стремительное объединение человечества, которое носит название «глобализация». Под последней понимают «серии эмпирически фиксируемых измерений, разнородных, но объединяемых логикой превращения мира в единое целое» [Robertson 1992]. Говоря о глобализации экономики, обычно подразумевают своеобразное стирание границ между государствами при формировании единого рынка.

Смысл глобализации сводится к постулированию неизбежности полной планетарной интеграции, перехода от множества государств, народов, наций и культур к единому мировому государству.

Чаще всего под глобализацией понимают экономический вектор объединения, однако в современном ее проявлении также можно выделить такие направления, как глобальная коммуникация, глобальная политика, глобальная культура, глобальная наука, глобальный язык, глобальный образ жизни.

Анализ теории и методологии глобализации в отечественной и зарубежной литературе позволяет сделать вывод, что глобализация – это современный необратимый процесс преобразования мирового хозяйства в единую зону с единым экономическим, политическим, социокультурным, информационным пространством, в рамках которого беспрепятственно перемещаются капиталы, товары, услуги, информация, стимулируя тем самым развитие современных институтов и механизмов их взаимодействия.

Однако в развитых странах не существует единодушия в понимании сущности данного процесса. Если специалисты США и Великобритании считают глобализацию абсолютным благом, то ученые других стран, в первую очередь Германии, Франции, Японии, относятся к подобному явлению с чрезвычайной осторожностью. Приводятся данные, что от глобализации в конечном итоге выигрывает лишь 14,5 % живущих в западном мире, в то время как остальные

страны, и в первую очередь развивающиеся, наоборот, проигрывают [Малышев 2000].

В документах ООН приводится следующее определение глобализации: «Глобализация – это общий термин, обозначающий все более сложный комплекс трансграничных взаимодействий между физическими лицами, предприятиями, инструментами и рынками <...> Глобализация проявляется в расширении потоков товаров, технологий и финансовых средств, в неуклонном росте и усилении влияния международных институтов гражданского общества, в расширении масштабов трансграничных коммуникационных и информационных обменов, приходе всего через Интернет, в трансграничном переносе заболеваний и экологических последствий, и во все большей интернационализации определенных типов преступной деятельности» [Доклад... 2000].

Считаем необходимым обратить внимание на заключительную часть этого определения – предупреждение о вероятности использования процессов глобализации для усиления негативных социальных процессов. Подобные явления также являются естественным историческим ходом событий – как только развиваются различные средства и технологии продуцирования или перемещения материальных, социальных или духовных ценностей, данный инструментарий сразу вызывает интерес у лиц, желающих обойти законы общества.

Специалистами отмечается, что переход от индивидуальных актов криминального поведения к организованной преступной деятельности характеризуется теми же причинно-следственными цепочками, что и переход от простейших видов экономического функционирования к развитым схемам предпринимательской деятельности в условиях рыночной экономики. В обоих случаях с целью обеспечения максимальной эффективности (максимум прибыли при минимуме риска) вырабатываются все более сложные и высокотехнологичные схемы деятельности. Как следствие, структуры организованных преступных формирований становятся похожими на структуры крупных корпораций [Криминология 2009].

Таким образом, объединение в группы для более эффективного удовлетворения потребностей не демонстрирует долговечности и привлекательности для всего человеческого сообщества в целом. Всегда существует опасность «соскальзывания» идеологической основы организованных социальных групп: основанных на удовлетворении материальных потребностей – в криминальные объединения; социальных потребностей – в национализм; духовных – в религиозный фанатизм.

В любом случае постоянный рост потребностей у членов сообщества приводит к его расслоению по возможностям доступа и распределению ресурсов. Все это заканчивается агрессией, направленной на внешнее и/или внутреннее окружение. В антагонистических сообществах власть переходит в руки тех классов и групп, которые господствуют в экономике, владеют основной массой общественного богатства. Созданные институты власти защищают собственников различными способами: принуждением, насилием, манипулированием общественным мнением. В сознание людей внедряются те ценностные ориентации, которые выгодны господствующим классам.

Человеческая жизнь как таковая уже не воспринимается как социальная ценность. Об этом говорил идеолог рабовладельческого строя Аристотель. Выдвигая идею о том, что человеческая жизнь – высшая ценность, он подразумевал жизнь только одной части общества своего времени – рабовладельцев, свободных граж-

дан, греков. Рабы не могли быть людьми, и в системе общественных отношений рабовладельческого общества раб являлся собственностью, а его социальная роль заключалась в создании материальных благ для «людей» – свободных граждан, создании условий для реализации их «арете» [Аристотель. Политика].

Вся история человечества в эпоху цивилизации показала, что представления о ценностях у собственников, у государства, которое их охраняло, прямо противоположны истинным ценностям. Трудом многих поколений людей создавались огромные богатства материальной и духовной культуры, но их присваивали и ими распоряжались немногие. К выводу, что основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, что ее развитие крайне противоречиво, научная мысль пришла уже в XIX в. В частности, независимо друг от друга его сделали американский ученый, этнограф, историк Л. Г. Морган и немецкий философ, один из основателей марксизма Ф. Энгельс. Они оба восхищались человечностью древнего родового строя. Морган отмечал, что с наступлением цивилизации рост богатства стал таким огромным, его формы – такими разнообразными, его применение – таким обширным, а управление им в интересах собственников – таким умелым, что это богатство «сделалось неодолимой силой, противостоящей народу», и «человеческий ум стоит в замешательстве и смятении перед своим собственным творением» [Маркс, Энгельс 1961].

Таким образом, рациональное объединение людей в группы, с одной стороны, несет благо для самой группы, с другой – проигрыш для тех, кто не попал в это «сильное» объединение.

Однако целью данного исследования является попытка найти формат таких взаимоотношений, которые являются выигрышными для всех без исключения. Единственным выходом может быть решение, когда границы рационального объединения разрозненных групп расширяются на **все** человечество. В этом случае для подобного глобального сообщества не останется внешних социальных систем, за счет которых оно будет удовлетворять свои потребности, причиняя соответствующие страдания. Однако у такой на первый взгляд утопической идеи есть ряд факторов неоднозначного влияния: *эгоистическая сущность человека* и его *социальная природа*.

Мы считаем, что именно *эгоистическая природа человека* является основным камнем преткновения на пути к глобальному благополучию.

Понятие эгоизма (от лат. *ego* – «я») трактуется как принцип жизненной ориентации и морального качества человека, связанный с предпочтением собственных интересов интересам других (индивидуальных и коллективных) субъектов [Социология 2003].

Следует подчеркнуть, что в современном человеческом сообществе эгоистическая составляющая эволюционировала до такого уровня, что достижение собственной выгоды осуществляется осознанно за счет и в ущерб другому, а удовлетворение получается не только от насыщения собственной потребности, но и от осознания того, что другой своей потребности удовлетворить не смог.

Подобного в животной и растительной природе не существует. Даже когда животное насыщается за счет другого, то удовлетворения от страданий последнего не происходит и животное никогда не возьмет себе больше того, что необходимо для выживания. Человек же готов отбирать неограниченно.

Можно ли утверждать, что деятельность любого члена человеческого общества в любой момент времени определяется эгоизмом?

Как определялось ранее, задача любого биологического субъекта (как и объекта) состоит в достижении личного максимального благосостояния при минимальных затратах. В условиях только материальных потребностей и обилия ресурсов эгоистическая суть человека не представляет проблем. Сложности для его окружения возникают при дефиците возможностей в удовлетворении возрастающих потребностей. В этом случае до определенного этапа развития индивид достигает преимуществ перед другими за счет совершенствования собственных природных качеств, но с некоторого момента личность начинает использовать все имеющиеся в доступе инструменты воздействия для того, чтобы помешать окружающим развивать и удовлетворять свои потребности (то есть препятствует другим его «догнать и перегнать»). Подобная искусственная «дельта» (между собой и окружением) позволяет поддерживать в особи чувство уникальности, особенно, превосходства над другими. Все это отнюдь не способствует здоровому развитию всего человеческого сообщества.

Таким образом, главным препятствием на пути к успешному глобальному объединению можно назвать эгоистическую человеческую природу.

Следует подчеркнуть, что модели альтруистического поведения также присутствуют в обществе (слово «альтруизм» происходит от лат. *alter* – другой, другие – поведение, которое определяется заинтересованностью в благосостоянии скорее других, нежели в собственном) [Дэвид, Джери 2001]. Однако сторонники эгоистической основы человека утверждают, что в данном случае имеет место другая форма эгоизма, которая носит название «разумный эгоизм». Последний представляет собой способность личности в определенный период времени нести потери при условии выигрыша в дальнейшем. Причем потери (затраты) могут быть в одной форме потребностей (например, материальной), а выигрыш – в другой (например, социальной или духовной).

Альтруистическое поведение выгодно человеческому сообществу. Как показали научные исследования, сообщество является устойчивым, если в нем присутствует около 10 % альтруистов [Правоторов 2004]. Как только этот баланс нарушается в любую сторону, общество в целом начинает страдать. Можно предположить, что страдания исчезнут в момент, когда все особи в сообществе примут *альтруистическое поведение*. Вполне допустимо, что подобное состояние и является итогом эволюции человечества.

Ради справедливости стоит отметить, что во все времена человеческого существования идеологи государственности отдавали себе отчет в факторе риска, именуемом «эгоизмом». Пути сдерживания его проявлений также были традиционными: воспитание в духе ценностей альтруистического поведения, с одной стороны, и внешний контроль над проявлениями эгоизма в виде развития системы норм, правил и законов социальных взаимоотношений – с другой.

Однако, как свидетельствует тот же исторический опыт, оба описанных механизма не приводили к сколько-нибудь устойчивым результатам (на моделях всего социального сообщества). Пуританское воспитание, основанное на крайней строгости нравов и аскетических ограничениях потребностей, было нежизнеспособным в широких социальных группах.

В свою очередь, правила поведения, введенные социумом с целью самосохранения и уменьшения страданий, также принимались не всем сообществом. Для большинства людей любые внешние ограничения в удовлетворении собственных потребностей, введенные социальным контролем, вызывают сложные эмоциональные конфликты. Психологи доказывают, что невыплеснутые негативные эмоции могут приводить к деформациям личности, психозам, агрессивным поведенческим реакциям, что выражается в протестных движениях, асоциальном поведении, уходе в наркоманию и алкоголизм и т. п. Подтверждением этого являются многочисленные исторические факты социальных взрывов, когда внешний контроль вынужденно ослабевал или исчезал.

Напротив, если применение санкций совершается осознанно и самим человеком, направлено на себя и происходит внутри, то такую форму контроля принято считать самоконтролем или внутренним контролем. Чем выше у членов общества развит самоконтроль, тем меньше этому обществу приходится прибегать к внешнему контролю, и наоборот.

Таким образом, если человеку удастся перевести контроль с внешнего на внутренний уровень, если внутренние, подсознательные установки начинают совпадать с внешними, только тогда исчезают все эмоциональные конфликты и человек переходит в состояние комфортного существования.

Мы считаем, что достичь подобного состояния возможно только через введение системы специального воспитания, которое должно происходить в среде, где все участники демонстрируют ожидаемое поведение. При этом в основе поведения воспитателей должно лежать их истинное, внутреннее свойство.

Механизм, который может как способствовать, так и мешать построению комфортного сообщества, кроется в *социально-индивидуальной природе человека*. Феномен этот чрезвычайно многогранен и многообразен по формам своего выражения. Одно из его проявлений состоит в том, что отношение человека к общественной действительности (интеллектуальное, эмоциональное или практическое), с одной стороны, скрывается в недрах его собственной индивидуальной психики, с другой – никогда не бывает абсолютно индивидуальным, изолированным от мнений и поступков других людей (конкретных индивидов или «обобщенного другого»). Это отношение складывается в процессе общения людей и выражается в общих для какой-то их группы взглядах и поступках, в групповых психологии, сознании и поведении [Дилигенский 1994].

Идея социокультурного воздействия на потребление особи была продемонстрирована многими исследователями, в работах которых показано, что при психологической интеграции индивида в те или иные большие социальные общности происходит интериоризация им выработанных этими общностями ценностей. Более того, эти ценности влияют на всю мотивационную психологию личности. Но данное влияние чаще всего осуществляется путем сложного преобразования социально-политических или идеологических ценностей в личные мотивы [Лейбенштейн 1993].

Можно предположить, что макросоциальные или идеологические значимости, не будучи непосредственным источником ценностей личных, участвуют в их отборе индивидом в качестве своего рода «социального семафора»: они «поощряют» одни личные цели и ориентации, «запрещают» другие, проявляют нейтралитет к третьим. Будучи социально-индивидуальным существом, человек не обяза-

тельно строго следует этим сигналам, но так или иначе считается с ними, пытается как-то согласовывать свои внутренние побуждения с социально санкционированными, нормативными ценностями. Многочисленные исследования социальных психологов говорят о том, что человек ищет подобия с другими, испытывает стремление ассоциироваться с ними [Сарджвеладзе 1982].

Например, английский социолог У. Рансимен в своих исследованиях продемонстрировал тот факт, что представления людей о своем экономическом и социальном положении и уровень их недовольства или удовлетворенности этим положением не соответствуют их реальной ситуации. Субъективная неудовлетворенность является результатом сравнения собственного положения с образцовой, условно «нормальной» ситуацией. Обычно за образец принимается ситуация определенной референтной группы. В качестве таковой может выступать собственное социальное окружение. Или же люди сравнивают свое положение с ситуацией другой известной им группы [Runciman 1966].

Таким образом, количество и качество социальных потребностей у индивида напрямую определяется обществом. Исследователи показывают, что «от того, с какой социальной общностью себя человек идентифицирует, прямо зависят и его собственные ценности и цели» [Дилигенский 1994].

Более того, как общество влияет на человека, так и сам человек оказывает влияние на социальное окружение. Требование социальной среды может выражаться в том, чтобы «подстроить» личность под социальные стереотипы, нормы и предписания посредством постоянного воспроизводства индивидом в своих поступках, представлениях, образе жизни этих же стереотипов, норм и предписаний. При этом личность человека выступает как единица в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений. Подобное взаимовлияние некоторыми исследователями считается настолько существенным, что они предлагают рассматривать его как целостное системообразование «личность – социальная среда» [Angyal 1965].

Таким образом, в человеческом сообществе природой заложен механизм умножения потребностей, когда вновь рожденный индивид абсорбирует правила удовлетворения потребностей и их развития от окружающего сообщества как базовый уровень. При этом личная активность индивида направлена на расширение потребностей и способов их удовлетворения, что, в свою очередь, оказывает влияние на его ближайшее окружение.

Как следствие, демонстрация сообществом абсорбированных моделей поведения и система воспитания, которая обеспечивает не только заданный уровень, но и желаемое этим обществом будущее поведение (создание аттракторов будущего), может **дать основу для формирования любой заданной психологической основы человека, в том числе и основанной на альтруизме.**

Теперь рассмотрим вопросы **смещения акцента с материальных потребностей в сторону социальных и духовных.** Как отмечалось, по мере удовлетворения потребностей последние эволюционируют количественно и качественно. Мы видим, что в настоящее время человечество самостоятельно «дрейфует» в области развития материальных потребностей, но при этом способы удовлетворения подобного вида потребностей природа не увеличивает. Если взять за основу тот факт, что в процессе эволюции жизни на планете происходила параллельная эво-

люция видов потребностей у человека, то можно предположить, что ожидаемая конечная *цель* развития человечества *является духовной*.

Отсутствие четких критериев понятия «духовность» рисует образ этого состояния как некоего абстрактного, «эфирного» существования, с полным отсутствием материальных и социальных составляющих. На подобных образах основываются различные религиозные течения.

Однако важно разделять понятия «религиозность» и «духовность». Ряд исследователей утверждают, что духовность отличается от религиозности тем, что источником последней является внешний мир в виде предписаний и традиций, тогда как источником духовности является внутренний опыт человека [Barker 2008]. В современном западном мире все более четко прослеживается тенденция «религиозной индивидуализации», которая рассматривается в рамках феномена «субъективного поворота». Данная тенденция выделяется после разделения религии на две формы: «ритуальную» и «внутренней жизни». Последняя основывается на личном и постоянном принятии религиозных ценностей каждым верующим в мистической или этической форме, тогда как в ритуальной религии люди «воспринимают себя прежде всего через принадлежность к установленному и “заданному” порядку вещей, который идет из прошлого и простирается в будущее. Будучи “выше” и “величественнее”, чем индивидуальное “Я”, этот трансцендентный, коллективный, супер-Я порядок является главным “источником значимости” для людей» [Heelas 2005].

В свою очередь, «субъективный поворот» подразумевает, что целью смысла жизни человека становится не соответствие внешнему авторитету, а «мужество стать своим собственным авторитетом» [Taylor 1992], источником которого являются человеческие переживания, состояние сознания, память, эмоции, телесные ощущения и т. д. Как следствие, в религии личность человека и его чувства сегодня стали важнее, чем институциональная религиозность, и поэтому люди все реже ищут ответы на религиозные вопросы в церкви.

Таким образом, в эпоху модерности индивидуализм и все более возрастающая важность «Я» в человеческом сообществе развились до такой степени, что это наложило существенный отпечаток на религиозность и духовность. «Субъективный поворот» в культуре модерности и плюралистический характер современного общества привели к тому, что люди «сами конструируют свою социальную реальность из имеющихся элементов культуры, где ни одна сфера жизни, в том числе религия, не отделена от другой непроходимой стеной» [Степанова 2011]. При этом важность сакрального в человеческой жизни не исчезает, она смещается с абстрактного уровня на индивидуальный. В таком переходе от внешнего объективного целеполагания к внутреннему субъективному росту смыслом религии оказывается сакрализация жизни-по-правилам, а смыслом духовности – сакрализация жизни-в-субъектности [Heelas 2005].

На основе этих утверждений в рамках теории эволюции потребностей можно говорить о том, что индивидуальная духовная цель развития вполне может находиться **внутри объединенного сообщества**. В этом случае духовная жизнь должна представлять собой не некое абстрактное, «эфирное» существование, а быть вполне реализуемой на уровне физического сообщества. Именно психологическое состояние каждого индивида, при котором открытие духовного происходит в совершенствовании взаимосвязи между людьми, может служить основой общества будущего.

На основе данного постулата можно ввести понятие *интегрального сообщества* как высокодифференцированной и вместе с тем высокоинтегрированной социальной системы, в которой интеграция служит для достижения единой общей цели общества, а дифференциация обеспечивает максимальное осознанное индивидуальное участие в этом каждого члена общества.

Данная тема беспокоит многих современных ученых, которые рассматривают мир и человеческое общество как целостную систему тесно взаимосвязанных компонентов, изучая понятия целостного мира, социокультурной целостности, системных и мир-системных подходов и т. п. [Силина 2012].

Подводя итог рассуждениям, приведенным в данной работе, можно утверждать, что обязательным условием достижения благополучия для всего общества является один из видов альтруистического поведения – поведение *интегральное*, когда индивид строит свою систему восприятия мира на основе целей всего общества.

Вторым обязательным условием является духовная цель развития, которая находится внутри интегрального сообщества. Однако актуальным остается вопрос – кто и как будет определять эту духовную цель?

По аналогии с эволюцией рационального мышления можно ожидать, что *понятие духовной цели* должно также эволюционировать. Мы предполагаем, что, так как никто четко не знает свойств *истинной* духовности, то по мере постепенного увеличения взаимосвязи между людьми будут происходить качественные изменения, на основе которых будет конструироваться следующий вариант интерпретации духовной цели.

Факты свидетельствуют о том, что человеческая эволюция никогда не была равномерной для всех членов сообществ. Всегда присутствовали личности с более высоким уровнем системного восприятия мира. Исходя из эволюции потребностей, можно предположить, что человечество постоянно имеет определенную когорту людей, которые неизменно появляются в процессе эволюционного развития общества, абсорбируют вектор его формирования и способны генерировать ближайшие задачи его становления в рамках общего целевого направления («управляемая эволюция целей»).

Отсюда можно сделать вывод, что прогрессивно развитые люди, четко осознавая ответственность и необходимость влияния на эволюцию человеческого сообщества в планетарном масштабе (в отличие от природной, естественной, неуправляемой эволюции, которая имела место до настоящего времени), способны стать основой зарождения *интегрального сообщества*.

Литература

Антоновский А. Ю. Начало социоэпистемологии : Эмиль Дюркгейм // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XIV. № 4. С. 142–161.

Васильчук Ю. А. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. Т. 3. М. : Мысль, 2010.

Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М. : Наука, 1994.

Доклад Генерального секретаря о работе организации ООН. Нью-Йорк, 2000 [Электронный ресурс]. URL: www.un.org (дата обращения 7.12.2012).

Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М. : Вече; АСТ, 2001.

Криминология: уч. пособ. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М. : Проспект, 2009.

Лавров Е. И., Капогузов Е. А. Экономический рост: теории и проблемы: уч. пособ. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006.

Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Теория потребительского поведения и спроса / под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 304–325.

Малышев Д. Постиндустриальный мир и процессы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3. С. 93.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры (Институт Марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), 1961. Т. 21.

Правоторов Г. В. Альтруизм как врожденное свойство // Общественное поведение. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethology.ru/library/?id=89> (дата обращения 7.12.2012).

Райзберг Б. А. Курс экономики: учебник / под ред. Б. А. Райзберга. М. : ИНФРА-М., 1997.

Сарджвеладзе Н. И. Исследование связи между социальным сходством и притяжением в зарубежной социальной психологии // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 2. С. 147–151.

Силина Е. В. Феномен глобализации: социальный аспект // Век глобализации. 2012. № 2. С. 89–95.

Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. Минск : Интерпрессервис; Книжный дом, 2003.

Степанова Е. А. Новая духовность и старые религии // Религиоведение. 2011. № 1. С. 127–134.

Angyal A. The Holistic Theory of Personality // Psychology of Personality: readings in the theory / Ed. by W. S. Sahakian. Chicago, IL : Rand McNall, 1965. Pp. 319–341.

Barker E. The Church Without and the God Within: Religiosity and/or spirituality? / E. Barker // The Centrality of Religion in Social Life. Hampshire : Ashgate, 2008.

Heelas P., Woodhead L. The Spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality. Oxford : Blackwell, 2005.

Maslow A. H. Motivation and Personality. New York : Harper & Brothers, 1954.

Robertson R. Globalization : Social Theory and Global Culture. London : Sage, 1992.

Runciman W. C. Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century Britain. San Fransisco, 1966.

Taylor Ch. The Ethics of Authenticity. Cambridge : Harvard University Press, 1992.